

политики государства переходного типа обусловлена степенью координации идеологического влияния на формирование сознания и актуальных политических качеств молодежи. Это обеспечивает организационное единство сообществ молодежного движения как полноправного субъекта политической системы.

Формируя современную молодежную политику, органы государственного управления и другие институты политической системы общества должны изучать и использовать в своей деятельности знания о современных тенденциях, которые участвуют в процессах политической социализации молодежи в качестве агентов и факторов влияния. Зная проблему, можно спрогнозировать вероятные сценарии развития различных ситуаций и предпринять ряд мер по нивелированию возможных негативных последствий. Общациональная модель политической социализации должна соответствовать стратегическим целям развития Республики Беларусь, ключевым аспектам национальной идеологии, транслировать и развивать политическую культуру белорусского государства, отвечать традициям белорусского народа и требованиям современности. Необходимо только помнить, что молодежь адекватно реагирует и активно откликается на те формы социализации, которые представляют собой в ее понимании свежие идеи, неординарные подходы, смелые решения, развитие новейших компетенций. Позитивная модель политической социализации как содержание в инновационной форме способна содействовать воспитанию необходимого белорусской политической системе современного молодого гражданина.

Таким образом, сегодня успех развития белорусского социума, построения демократического правового социально ориентированного государства и формирования гражданского общества зависит, прежде всего, от участия в этом процессе молодежи. Молодежь представляет особый интерес как группа, являющаяся своеобразным индикатором, отражающим противоречивый опыт социально-политических преобразований последних десятилетий. На сегодня в Республике Беларусь молодежь — это самая образованная часть населения, будущая элита белорусского общества, которая будет определять лицо новой Беларуси. Она является самой восприимчивой и адаптивной частью белорусского общества, и от того, какие ценности укоренятся в ней, будет зависеть вектор общественного развития, а в конечном счете — успех всех преобразований. Поэтому, несмотря на множество проблем на уровне макросреды, есть возможность создания гармоничных и успешных моделей социализации на уровне мезо- и микросреды, если при формировании и реализации государственной молодежной политики учитывать, что перспективы реформирования белорусского общества и его политической сферы напрямую обусловлены вовлечением молодежи в политику, и особенно наиболее образованной и социально активной ее части.

Список цитируемых источников

1. Энциклопедия идеологического работника / сост. А. Б. Чешевик. — Минск : Парадокс, 2011. — 536 с.
2. Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2014 года и среднегодовая численность населения за 2013 год : стат. бюл. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2014. — 183 с.
3. Социальный облик современной белорусской молодежи : сб. ст. / редкол.: Е.В. Лебедева (отв. ред.) [и др.]. — Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2008. — 123 с.
4. *Чуешов, В. И.* Об исследовании ценностных ориентаций молодежи как оснований инновационной деятельности / В. И. Чуешов, Е. В. Беляева, Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь // Проблемы управления. — 2007. — № 1. — С. 213—217.
5. *Баранова, Е. В.* Социология массовой коммуникации : учеб. пособие / Е.В. Баранова. — Минск : Высш. шк., 2013. — 174 с.
6. Роль молодежных организаций и объединений в гражданском становлении личности : материалы респ. науч. конф. преподавателей, аспирантов и студентов, Витебск, 17 мая 2007 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. П. Орлова (отв. ред.) [и др.]. — Витебск : Изд-во ВГУ, 2007. — 232 с.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. — Минск : Амалфея, 2005. — 48 с.
8. Об основах государственной молодежной политики [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 7 дек. 2009 г., № 65-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2009 — № 2/1617.

УДК 37:930(476)(035.3)

В. И. Кривуть

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ПОЛЬСКАЯ ШКОЛА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОВЕДЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Школа всегда являлась одним из ведущих государственных институтов проведения официальной молодежной политики. Это в полной мере относится и к польской школе на территории Западной Беларуси в период 1920—1930-х гг. К сожалению, данная проблематика не нашла достаточного освещения в отечественной историографии, что лишь придает ей дополнительную актуальность. Данная статья является попыткой, опираясь на ряд впервые вводимых в научное обращение материалов, частично

заполнить этот пробел. В статье характеризуется участие школы в реализации официальной молодежной политики на территории Западной Беларуси в составе межвоенного польского государства, основные ее достижения и недостатки деятельности польской системы образования в данной сфере.

В межвоенный период польские власти смогли организовать систему народного образования, основанную на всеобщей школьной обязанности. На территории Западной Беларуси ее структурными элементами стали Виленский и Полесский школьные округа. В 1932 г. в состав Виленского школьного округа входили Виленское и Новогрудское воеводства, а также Гродненский, Волковыский и Сувальский поветы Белостокского воеводства. Полесский округ включал, соответственно, Полесское воеводство и Белостокский, Августовский и Сокульский поветы Белостокского воеводства [1, с. 88].

На протяжении межвоенного периода система образования II Речи Посполитой прошла определенную эволюцию. Согласно постановлениям «Декрета о школьной обязанности» от 7 февраля 1919 г. полная всеобщая школа должна была охватывать семь лет обучения. Но декрет рекомендовал создавать в первую очередь четырехлетние обязательные школы с дополнительными трехлетними или обязательные пятилетние с дополнительными двухлетними. Школьная обязанность распространялась на детей с 7 до 14 лет [2, с. 556].

Считается, что в первые годы независимости польская школа была архаичной, что проявлялось в ее многоступенчатости и тупиковости. Полная всеобщая школа являлась тупиковой, поскольку после ее окончания можно было поступить лишь в учительские семинарии или ремесленные школы. Чтобы поступить в университет, необходимо было окончить восьмилетнюю платную гимназию, в которую поступали после окончания начальной школы (трех классов). Именно в гимназиях осуществлялась подготовка для поступления в вузы или, после соответствующих курсов, занятия чиновничьей должности [3, с. 100—101].

Попыткой модернизировать систему образования стала школьная реформа, предпринятая по инициативе министра Я. Енджеевича в 1932 г. Согласно новому школьному законодательству, основой системы народного образования должна была стать семилетняя всеобщая школа, обучение в которой являлось обязательным. В зависимости от количества учеников и учителей всеобщие школы делились на три ступени. К школам первой ступени относились школы с 1—4 классами, ко второй ступени — с 1—6 классами и к третьей ступени — с 1—7 классами. Полностью программа всеобщей школы реализовывалась только в школах третьей ступени. Средняя школа была основана на школе второй ступени, после которой шли четырехлетняя гимназия и двухлетний лицей. Полный курс общеобразовательной подготовки, дававший право на поступление в вуз, продолжался 12 лет [3, с. 110]. В средней школе учащиеся находились в возрасте с 13 до 18 лет.

Правящие круги польского государства, особенно после установления режима «санации», считали, что школа должна являться «идеальной площадкой», «самым соответствующим воспитательным средством государства». Накануне начала школьной реформы 1932 г. Я. С. Быстронь, один из известных польских социологов межвоенного периода, выражал уверенность в том, что школа должна быть точным инструментом общественной политики государства и тем самым служить существующей идеологии и реализации определенной программы общественного переустройства страны [4, с. 110].

Школа должна была превратиться из образовательного института в институт воспитательный. Обучение рассматривалось как часть воспитательного процесса. Первым об этом заявил в марте 1931 г. Ю. Балицкий, глава программного отдела министерства просвещения. Он отметил, что «в современной школе обучение не является само по себе целью, оно является только средством для достижения цели». Во время школьной реформы такой подход вел к широкому введению воспитывающего обучения. Одновременно говорилось о необходимости разрыва с «чрезмерным интеллектуализмом» в воспитании [4, с. 111].

Особое внимание уделялось тому, чтобы содержание программ соответствовало принципам «государственного воспитания». В качестве примера можно взять преподавание истории. Этот предмет должен был играть принципиальную роль в гражданском формировании детей и молодежи. Изучение истории должно было привести к «пониманию обязанностей по отношению к государству и человечеству и сформировать чувство гражданской ответственности среди молодежи польского государства независимо от ее национальной принадлежности» [5, с. 46—47].

Школьная программа по истории учитывала многонациональный характер польского государства. Но даже этот своеобразный реверанс по отношению к национальным меньшинствам II Речи Посполитой был поставлен по службе польской государственности. В программе подчеркивалось: «Знания по истории и культуре национальных меньшинств должны пробудить у польской молодежи уважение к этим культурам и готовность к гражданскому сосуществованию с меньшинствами в границах государственной жизни. Молодежь национальных меньшинств на основе знания истории Польши должна вынести из школы привычку к польской культуре и уважение к ней. Подчеркивание моментов активного и позитивного участия меньшинства в государственной жизни Польши направлено на усиление в нем чувства государственной принадлежности и гражданской ответственности по отношению к государству» [5, с. 18]. В методических разработках Виленского школьного округа учителям рекомендовалось отрицательные факты из прошлого взаимоотношений между поляками и другими народами уравнивать фактами положительными, «благодаря которым потом началось дружественное сотрудничество и понимание на протяжении следующих поколений» [6, с. 12]. Одновременно следует отметить, что за весь межвоенный период предпринималась только одна попытка создать специальный школьный учебник по истории для национальных окраин польского государства. В 1925 г. была издана первая часть «Рассказов из общей истории», в которой отдельно рассматривалась история Польши, Литвы и Руси [7, с. 53—54].

Ученики-белорусы вынуждены были воспитываться на примерах из польской истории и в основном на примерах героев этой истории. При этом самым главным героем являлся Ю. Пилсудский, культ которого стал неотъемлемой частью «санационной» концепции воспитания. Биография маршала подробно освещалась на страницах учебников [8, с. 313; 9, с. 32—34]. Что касается Западной Беларуси, то местное руководство системы образования не осталось в стороне от распространения культа Ю. Пилсудского. Так, руководство Виленского школьного округа наладило выпуск специальных дидактических пособий, посвященных связям маршала с восточными окраинами [8, с. 132; 10]. Специфической формой культа Ю. Пилсудского стало присвоение его имени учреждениям образования. После смерти польского диктатора эта акция начала приобретать откровенно спекулятивный характер. Министерство просвещения начало поддерживать проекты массового строительства школ имени Ю. Пилсудского в северо-восточных воеводствах страны. Так, план строительства в Полесском воеводстве 100 школ — памятников Ю. Пилсудскому получил в качестве дополнительного финансирования 1 600 000 злотых [8, с. 322].

Некоторые изменения в контексте «государственного воспитания» в школе произошли во второй половине 1930-х гг., когда был взят курс на активную подготовку молодежи к обороне страны. Эти изменения затронули в первую очередь среднюю школу. В дидактической сфере при преподавании отдельных предметов необходимо было делать упор на те элементы знаний, которые имели отношение к обороноспособности государства. Например, на уроках географии рекомендовалось изучать элементы топографии, на занятиях по физике и химии изучалась работа двигателей внутреннего сгорания, радиоприемников, элементы противохимической и противовоздушной обороны [11, с. 228]. В целях подготовки к обороне страны использовались и гуманитарные предметы. При их помощи ученик должен был достичь «такой степени гражданской сознательности, чтобы он чувствовал себя связанным мыслями и чувствами с нацией и государством, чтобы он знал и понимал культурные, политические, экономические и общественные достижения польской нации и государства, чтобы имел чувство ее исключительности и своеобразных ценностей, чтобы в полной мере чувствовал и понимал необходимость увеличения оборонного потенциала» [12, с. 809]. На уроках истории ученики должны были знакомиться с историей вооруженных сил Речи Посполитой. Для юношей эти знания должны были сыграть роль «начального профессионального образования будущего офицера польской армии» [12, с. 813]. Например, в учебнике истории для 4 класса гимназии около 18% содержания было посвящено военной обязанности и вопросам укрепления обороноспособности. Ученики помимо информации об условиях призыва и организации армии узнавали о характере современной войны и принципах деятельности тыла в военных условиях [13, с. 21].

Одновременно возросла роль такого предмета, как военная подготовка, которая с 1937 г. стала обязательной в средних школах. При этом надо отметить, что в некоторых гимназиях на территории северо-восточных воеводств военная подготовка стала обязательной намного раньше. Так, в Пинской государственной гимназии ученики старших классов с осени 1929 г. в обязательном порядке должны были записываться в школьный отряд военной подготовки [14, с. 196].

Помимо непосредственно учебы важным средством распространения влияния «государственного воспитания» на школьную молодежь являлось втягивание учеников в деятельность разного рода общественных организаций. Эти организации действовали как на территории учебных заведений, так и за их пределами. Считалось, что работа молодежи в ученических организациях создает возможности для формирования чувства гражданской ответственности и высвобождения творческих инстинктов. Для реализации этих возможностей школьные организации следовало окружить специальной опекой со стороны педагогов. Но опека эта должна была быть осторожной, воспитателю следовало вмешиваться в работу в исключительных случаях, вся инициатива и формальная ответственность должны были лежать на самой молодежи. Через работу в школьных организациях молодежь должна была «научиться добросовестному труду и понять, что общественная работа — это дело благородное, но тяжелое» [15, с. 134—135].

Деятельность общественных организаций на территории средних учебных учреждений (средних общеобразовательных школ, учительских семинарий, профессиональных школ) регулировалась специальным циркуляром министра просвещения, изданным 3 сентября 1927 г. Данный документ признавал, что организация кружков и объединений на территории учебных заведений является очень важным фактором общественного воспитания молодежи. При этом все кружки и объединения школьной молодежи могли создаваться и распускаться только с разрешения и по указанию директора школы. Молодежь могла принадлежать только к кружкам и объединениям, которые существовали в соответствующей школе. Исключение составляли межшкольные спортивные кружки и в некоторых случаях межшкольные харцерские дружины. Но и в данном случае требовалось разрешение директора. Министерский циркуляр также регламентировал виды организаций ученической молодежи. К первой группе организаций относились объединения религиозного, самообразовательного, артистического и спортивного характера. Такими кружками должны были руководить учителя, для них не предусматривалось создание каких-либо органов внутреннего самоуправления. Ко второй группе организаций относились организации самоуправления, кооперативные, гуманитарные (Братская помощь, кружки польского Красного Креста) и этические объединения. Такие организации должны были иметь устав и опекуна (куратора), назначенного дирекцией школы. Циркуляр не позволял кружкам из разных школ объединяться и иметь общее руководство. Исключением являлись харцерские дружины. Циркуляр подчеркивал, что руководитель

школы должен следить за тем, «чтобы молодежь, взяв на себя чрезмерное количество обязательств, не приучилась к поверхностной работе и на слишком широком поле выбора дополнительной работы не принимала неразумных решений» [16, с. 41—42].

Так, 6 февраля 1928 г. министерством был издан еще один циркуляр, посвященный ученическим кружкам в школе, на этот раз конспиративным. Циркуляр утверждал, что подрывные элементы «предпринимают попытки повлиять на молодежь, готовят и осуществляют покушения на спокойствие школьной молодежи». Этим деструктивным влияниям следовало противостоять самым решительным образом. Успешными средствами борьбы с конспиративными кружками считалось проникновение в духовную жизнь молодежи, надзор за проявлениями формирования гражданских и политических взглядов, отслеживание внешкольных влияний на молодежь. Педагоги должны были обращать свое внимание в первую очередь именно на конспиративные объединения молодежи. В случае если такие проявления были замечены, необходимо было «всеми целесообразными в данных обстоятельствах средствами формировать у молодежи чувство вредности этих конспиративных акций в стране, где личная свобода и свобода совести являются конституционно гарантированными». Директор школы должен был быть информирован «обо всех проявлениях коллективной жизни молодежи и в случае необходимости ликвидировать нежелательные влияния» [16, с. 43—44]. Появление данного циркуляра свидетельствовало, что «санационные» власти столкнулись с серьезными противниками в борьбе за влияние на школьную молодежь. Этими конкурентами являлись как польские националисты, так и коммунистическое молодежное движение.

Большое внимание руководство системы образования обращало на развитие ученических и школьных кооперативов, главным образом в виде школьных магазинов, кредитно-сберегательных касс, книжных лавок и буфетов. В соответствии с очередным министерским циркуляром, в школе ученик должен был привыкнуть к идее экономности, она должна была стать одной из основ его жизни и деятельности. В 1930 г. министр С. Червинский обратился к учителям с призывом развернуть живую и широкую акцию организации и проведения школьных сберегательных касс. Одновременно в своем циркуляре он не приказывал использовать некую единую форму, а учитывать местные условия и потребности [17, с. 134].

В русле указаний министерства действовали и руководители государственной системы образования в школьных округах на территории Западной Беларуси. Так, в апреле 1932 г. был издан циркуляр куратора Виленского школьного округа, посвященный вопросу ученических организаций. Циркуляр констатировал, что в этой сфере господствует «определенная хаотичность», и рекомендовал ряд мероприятий для исправления ситуации. Разрешалось существование только организаций, предусмотренных министерским циркуляром от 3 сентября 1927 г. Давалось указание всемерно поддерживать контакты и сотрудничество между организациями, действующими на территории отдельных школ. Воспитатели должны были обратить свое внимание на то, чтобы вносить новое содержание в старые формы ученических организаций, которые, как признавал циркуляр, «часто прозябают и существуют только формально». В самой работе ученических организаций приказывалось противостоять «малоценной, а часто даже вредной мании чтения рефератов». Предлагалось вести «конкретную работу». Эта работа должна планироваться таким образом, чтобы развивать молодежь в «гражданском и общественном направлении». Также работа школьных организаций должна была по возможности выходить за пределы школьных стен. В связи с этим прямо рекомендовалось поддерживать и содействовать созданию «организаций, которые дают молодежи возможность активной разрядки и воспитывают через нее». К организациям такого типа причислялись харцерство, отряды военной подготовки (на тот момент военная подготовка еще не была обязательным предметом), краеведческие кружки, кружки таких общегосударственных организаций, как Морская лига, Лига противовоздушной обороны, польский Красный Крест, а также спортивные, драматические, художественные и технические кружки, организации самопомощи и кружки гражданской и общественной работы. Циркуляр подчеркивал, что гражданская жизнь учеников и их формирование в гражданском духе должны быть одной из главных забот директора и учителей. Именно организованность молодежи, жизнеспособность ученических организаций и их влияние на молодежь объявлялись главным показателем успешности и основательности воспитательной работы педагогического коллектива школы [18, с. 146—147].

Важным элементом общественно-воспитательной жизни средней школы являлось ученическое самоуправление. Разные его формы в той или иной степени проникли во все типы школ II Речи Посполитой. Целями ученического самоуправления объявлялись: выработка солидарности, создание здоровых коллективных взглядов, формирование чувства индивидуальной и коллективной ответственности, развитие инициативы и творческих способностей. Обычно членами самоуправления являлись все ученики данной школы, за исключением учеников младших классов во всеобщих и средних школах. Все классы имели свои правления, которые, в свою очередь, формировали главное правление всей школы. Высшей инстанцией самоуправления был сеймик или общее собрание всех членов. Деятельность самоуправления охватывала такие школьные общественные институты, как взаимопомощь, товарищеский суд, ученический кооператив, школьная газета, библиотека, хозяйственная, спортивная и художественная комиссии. Вся деятельность ученического самоуправления должна была опираться на самостоятельную работу молодежи. Разумеется, что педагогический коллектив учебного учреждения обязан был опекать работу самоуправления [19, л. 32; 20, с. 223—226].

Государственная система образования, созданная польскими властями на территории Западной Беларуси, имела ряд серьезных недостатков. Даже к концу 1930-х гг. фактически не было обеспечено всеобщее начальное обучение, сохранялся высокий процент неграмотности, большую часть школ составляли школы первой и второй ступеней. Известно также, что в 1938/1939 учебном году на западно-белорусских землях более 100 тыс. детей не посещали школу [2, с. 483]. Что касается средней школы, то для большинства учеников она была недоступна. В первую очередь это было вызвано высокой стоимостью обучения. Так, например, в 1931/1932 учебном году вступительная плата в государственной гимназии составляла 223 злотых. Для сравнения — корова на рынке стоила около 100—200 злотых [21, с. 74]. От оплаты могли освобождаться лишь бедные ученики-отличники, при этом число таких учеников не должно было превышать 10% от всего числа учеников данной школы. Частичное освобождение от оплаты предусматривалось для детей государственных чиновников и профессиональных военных, в исключительных случаях — для детей из бедных семей [22, с. 183]. Кроме того, с конца 1920-х гг. наблюдался процесс сокращения численности гимназий. Так, если в 1927/1928 учебном году их было 85 (17 800 учеников), то в 1938 г. — 58 (15 900). Одновременно сократилось и число учительских семинарий — с 15 (2 258 учащихся) в 1929/1930 учебном году до 8 (300) [23, с. 222].

Следует отметить, что некоторые представители официальной прессы возлагали вину за катастрофическое положение образования молодого поколения Западной Беларуси в том числе и на самих родителей. Так, виленский публицист С. Шантер заявлял, что темнота и нужда заглушили в них человечность, они «свинью ценят выше, чем своего родного ребенка». Он отмечал, что белорусские крестьяне считают своих детей рабочей силой в хозяйстве и не создают им возможностей для нормальной учебы [24, с. 5].

Еще одним недостатком государственной системы образования было практически полное игнорирование культурно-просветительских потребностей национальных меньшинств межвоенного польского государства. Ярким проявлением этого была судьба белорусской школы. Сразу после майского переворота 1926 г. часть «санационного» лагеря в конъюнктурных политических целях пошла на определенную либерализацию по данному вопросу, но не была поддержана местной администрацией. Как отмечают некоторые исследователи, на рубеже 1920—1930-х гг. центральные власти ограничили свое вмешательство в развитие политики относительно белорусов. Они стали рассматривать эту проблему не в государственном измерении, а как локальный вопрос. Вопросы белорусского населения все в большей мере начали решаться местной администрацией и поветовыми комендантами полиции [25, с. 207]. Это повлияло и на развитие белорусской школы. Еще в декабре 1929 г. виленский воевода В. Рачкевич заявлял про то, что стремление белорусов к национальной школе является опасным [26, л. 45]. Такое отношение властей сохранялось вплоть до самого начала Второй мировой войны. Новогрудский воевода А. Корвин-Соколовский в 1937/1938 учебном году рекомендовал полную ликвидацию белорусских и литовских школ и замену их польскими. Рекомендовалось и «полное вытеснение непольского элемента с постов учителей» [27, с. 375—376]. Также новогрудский воевода заявлял, что «в школе необходимо делать определенный упор в направлении обработки белорусов. Часто это будет насильственно, но цель является великой... Школа это то, что создает польскость. Лозунг аполитичности школ — это какое-то недоразумение. На креслах школа должна быть политической, это оружие, которое используется политической администрацией» [28, с. 104]. По мнению польских властей, доминирующим языком во всеобщей школе должен был быть польский. Что касается средней школы, то существование других средних школ помимо польских признавалось вредным для интересов государства [29, с. 157].

Как известно, к 1939 г. белорусские школы на территории Западной Беларуси практически исчезли. Ситуацию же в польских школах хорошо характеризовали слова одного ученика-белоруса: «На протяжении всего обучения во всеобщей школе я вообще ничего не услышал про свою деревню, про культуру и творчество народа, от крови и кости которого мы приходим. Никто ни слова не сообщил мне ни про историю белорусской нации, ни про ее литературу» [30, с. 113].

Анализ вышеприведенных фактов позволяет заключить, что польская средняя школа в соответствии с планами правящих кругов польского межвоенного государства должна была стать одним из инструментов реализации молодежной политики польских властей на территории Западной Беларуси. Планы ее образовательной и воспитательной деятельности были приспособлены к осуществлению на практике основных положений «государственного воспитания». Кроме того, в условиях западнобелорусских воеводств она становилась орудием полонизации местного молодого поколения и усиления польского влияния.

Тем не менее эффективность средней школы была снижена тем, что на всем протяжении межвоенного периода она не смогла охватить значительного числа местной молодежи. Абсолютному большинству западнобелорусской молодежи в силу социально-экономических причин средняя школа была просто недоступна. Ее обучение ограничивалось лишь первыми классами всеобщей школы, после чего оно выходило из-под влияния польской системы образования. В связи с этим власти вынуждены были искать другие пути осуществления своей молодежной политики, в первую очередь в рамках проправительственных общественных организаций. Впрочем, и в сфере внешкольной деятельности представители системы образования играли заметную роль.

Список цитируемых источников

1. *Siemakowicz, M.* Organizacja szkolnictwa dla ludności białoruskiej w II Rzeczypospolitej / M. Siemakowicz // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. — 1999. — № 12. — S. 80—132.
2. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921 — 1953 гг. : в 2 кн. — Минск : Беларус. навука, 2014. — Кн. 1. — 593 с.
3. *Добрынин, М. А.* История общеобразовательной школы и педагогической мысли Польши / М. А. Добрынин. — Брест : Альтернатива, 2008. — 340 с.
4. *Jakubiak, K.* Realizacja ideologii wychowawczej sanacji w praktyce szkolnej / K. Jakubiak // *Wychowania a polityka. Tradycje i współczesność* : pod. red. W. Wojdyły. — Toruń : Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1997. — S. 109—120.
5. *Drzewiecki, S.* Wychowanie obywatelsko-państwowe w nowych programach / S. Drzewiecki. — Warszawa : Gebethner i Wolff, 1932. — 68 s.
6. *Malczyk, W.* Zabytki Wilna a nauka historii w szkole powszechnej / W. Malczyk. — Wilno : Nakładem Dziennika Urzędowego K. O. S. Wileńskiego, 1936. — 119 s.
7. *Sanojca, K.* Obraz sąsiadów w szkolnictwie powszechnym Drugiej Rzeczypospolitej / K. Sanojca. — Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003. — 166 s.
8. *Cichoracki, P.* Legenda i polityka. Kształtowanie się wizerunku marszałka Józefa Piłsudskiego w świadomości zbiorowej społeczeństwa polskiego w latach 1918—1939 / P. Cichoracki. — Kraków : Księgarnia Akademicka, 2005. — 412 s.
9. *Składanowski, H.* «Od uwielbienia do negacji» — Józef Piłsudski w podręcznikach historii w szkole powszechnej (podstawowej) w II RP i okresie stalinowskim PRL / H. Składanowski // *Wiadomości historyczne*. — 2006. — № 5. — S. 30—38.
10. *Dobaczewska, W.* Wileńszczyzna i Nowogródzyczna w latach 1920 — 1937. Sprawy polityczne i społeczne / W. Dobaczewska. — Wilno : Nakładem Dziennika Urzędowego K. O. S. Wileńskiego, 1938. — 38 s.
11. *Jabłonowski, M.* Wobec zagrożenia wojną. Wojsko i gospodarka Drugiej Rzeczypospolitej w latach 1935—1939 / M. Jabłonowski. — Warszawa : ASPRA-JR, 2001. — 476 s.
12. *Bornholtz, T.* Przygotowanie do obrony kraju w programach przedmiotów humanistycznych szkoły ogólnokształcącej / T. Bornholtz // *Oświata i wychowanie*. — 1937. — № 9—10. — S. 806—813.
13. *Urbanowicz, B.* Przystosowanie wojskowe w edukacji szkolnej II Rzeczypospolitej / B. Urbanowicz // *Prace naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. Res Politiacae*. — 2014. — № VI. — S. 9—26.
14. *Śliwiński, F.* Gimnazjum państwowe w Pińsku w 1919—1930 r. Zarys monografii szkoły / F. Śliwiński. — Pińsk : Nakładem Gimnazjum państwowego, 1930. — 306 s.
15. *Posseltówna, I.* Organizacja życia szkolnego a wychowanie obywatelskie młodzieży / I. Posseltówna // *Oświata i wychowanie*. — 1934. — № 3—5. — S. 129—140.
16. Wskazania wychowawcze zawarte w rozporządzeniach i okólnikach Min. W. R. i O. P. Łódź: Wydawnictwo drukarni państwowej w Łodzi, 1935. — 166 s.
17. *Leżańska, W.* Społeczne i pedagogiczne funkcje nauczyciela szkoły średniej ogólnokształcącej w Drugiej Rzeczypospolitej / W. Leżańska. — Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1985. — 158 s.
18. Okólnik Kuratora Okręgu Szkolnego Wileńskiego z dn. 11 kwietnia 1932 r. do Dyrekcji szkół średnich ogólnokształcących, zawodowych i seminarjów nauczycielskich w Okręgu w sprawie organizacji uczniowskich // *Dziennik Urzędowy kuratorium okręgu szkolnego Wileńskiego*. — 1932. — № 5. — S. 146—147.
19. Archiwum Akt Nowych. Z. 14. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w Warszawie. Sign. 219. Wydział Wychowania — okólniki, zarządzenia wewnętrzne, pisma okólnie, skład osobowy.
20. *Majkowska, M.* Samorząd uczniowski / M. Majkowska // *Oświata i wychowanie*. — 1930. — № 3. — S. 221—227.
21. *Вабішчэвіч, А. М.* Асвета ў Заходняй Беларусі (1921—1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. — Брест : Выд-ва БрДУ, 2004. — 116 с.
22. *Araszkiewicz, F.* Szkoła średnia ogólnokształcąca w Polsce 1918—1939 / F. Araszkiewicz. — Wrocław : Ossolineum, 1972. — 220 s.
23. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. — Мінск : Беларусь, 1995. — Ч. 2. — 560 с.
24. *Szanter, S.* Smutnej nauczycielce — ku pocieszeniu (Artykuł dyskusyjny) / S. Szanter // *Kurjer Wileński*. — 1935. — 9 maja. — S. 5.
25. *Mironowicz, E.* Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego / E. Mironowicz. — Białystok : Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007. — 294 s.
26. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 242п. Оп. 1. Д. 435.
27. Гісторыя Беларусі : у 6 т. — Мінск : Экаперспектыва, 2006. — Т. 5. Беларусь у 1917—1945 гг. — 613 с.
28. *Mironowicz, E.* Białorusini, komunizm i władze sanacyjne w latach 1937—1939 / E. Mironowicz // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. — 2006. — № 25. — S. 102—115.
29. *Śleszyński, W.* Wychować lojalnych obywateli. Polityka oświatowa władz polskich na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej (1919—1939) / W. Śleszyński // *Wspólne dziedzictwo ziem północno-wschodnich dawnej Rzeczypospolitej*. — Białystok, 2007. — T. VI. — S. 151—158.
30. *Mauersberg, S.* Szkolnictwo powszechne dla mniejszości narodowych w Polsce w latach 1918—1939 / S. Mauersberg. — Wrocław : Ossolineum, 1968. — 230 s.

УДК 101.1:316

Е. А. Криштаносова

Учреждение образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», Минск

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Исторически мультикультурализм в Беларуси последовательно реализовывался в каждом из его типов: в период Киевской Руси наблюдается ряд попыток мультикультурного сосуществования на основе равноправных бытовых интеракций групп-контактеров; в период ВКЛ сформировался спонтанный мультикультурализм; политика ассимиляции в период Речи Посполитой содействовала «надлому» в развитии институционализированного мультикультурализма; пребывания белорусских земель в составе Российской